

УДК 82-7

ПАРОДИЙНОСТЬ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ВОСПРИЯТИИ БОРИСА ЭЙХЕНБАУМА И АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

АЛЕЙНИКОВ Олег Юрьевич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется специфика восприятия Б. Эйхенбаумом и А. Платоновым пародийности в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б. Эйхенбаум, А. Платонов, пародия, художественный текст, восприятие.

ALEINIKOV O.U.,

Cand. Philolog. Sci., Docent, Chair of Russian literature of the XX and XXI centuries, theory of literature and folklore, Voronezh State University

THE PARODY OF «THE HISTORY OF A TOWN» IN B. EICHENBAUM'S AND A. PLATONOV'S ARTISTIC VISION

ABSTRACT. The article discusses peculiarities of parody interpretation in the novel «The History of a Town» in B. Eichenbaum's and A. Platonov's artistic vision.

KEY WORDS: B. Eichenbaum, A. Platonov, parody, fictional text, interpretation.

Памяти Владислава Петровича Скобелева

Б. М. Эйхенбауму принадлежит до настоящего времени не устаревший анализ источников пародийного переосмысления в повести М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». В комментарии, впервые опубликованном в книге, выпущенной «Детиздатом» в 1935 году, ученый доказывал, что очевидным объектом пародирования в этом произведении является официальная русская историография, представители которой прямо названы в описании летописи, найденной в глуповском архиве.

Ее страницы, по замечанию рассказчика, «так же желты и испещрены каракулями, так же изъедены мышами и загажены мухами, как и листы любого памятника погодинского древлехранилища. Так и чувствуется, как сидел над ними какой-нибудь архивный Пимен, освещаая свой труд трепетно горящую сальной свечкой и всячески защищая его от неминуемой любознательности гг. Шубинского, Мордовцева и Мельникова» [6, с. 266].

Определяя описание «внешнего вида рукописи как «пародию на ученые описания» [7, с. 463], Эйхенбаум указывает на «род занятий» «современных Щедрина составителей поверхностных исторических очерков и собирателей анекдотов из придворной жизни», ставших предметом пародийного осмеяния, и видит в самом упоминании их имен остроумный прием, придающий «условность всей хронологии», изложенной в «Истории одного города». Автор комментария уточняет: «На основании хронологических дат, указанных Щедриным, можно подумать, что сатира его относится исключительно к прошлому России. Но Щедрин дает здесь сатирическое изображение всей системы российского са-

модержавия, соединяя и переплетая прошлое и настоящее» [7, с. 457].

Ряд фамилий, перечисленных сатириком в пародийном контексте, Эйхенбаум продолжает, отсылая читателя к похожим «на фельетоны» статьям и очеркам гг. Кавелина, Пыпина, Семеновского, Шишкина и других. Но подробнее останавливается на деятельности М.П. Погодина: имя этого известного историка и публициста упоминается в тексте повести с неизменной авторской иронией, возникающей в результате соединения заведомо сниженных характеристик («изъеденное мышами погодинское древлехранилище») с утрированно-подобострастной апелляцией к «грозному образу Михаила Петровича Погодина». Эта особенность повествования рассматривается ученым не как уступка императорской цензуре, сделанная «в видах предотвращения злонамеренных толкований», но как намек на то, что «Историю одного города» следует понимать «именно злонамеренно», как сатиру на современность.

Пародийные стратегии прозаика, по мысли Эйхенбаума, прежде всего обусловлены неприятием пропаганды, заменившей в связи с празднованием тысячелетия российского государства серьезные научные разыскания: «История была в эти годы средством агитации и пропаганды. <...> Самый выбор летописной формы с постоянными цитатами из будто бы найденной в глуповском городском архиве летописи подсказан был Щедрина многочисленными публикациями старинных рукописей и материалов» [7, 459].

Комментарий, предложенный ученым, убеждает, что М.Е. Салтыков-Щедрин, «потомок древнего ро-

да московских бояр» (И.С. Тургенев), с нескрывае-мой насмешкой воспринимал не только труды официальной историографии, но и любого именитого историка, если там предлагались бездоказательные схемы исторического пути России. Именно поэтому в тексте «Истории одного города» пародийно используются извлеченные из «Слова о полку Игореве» выражения и характеристики применительно к заметным фигурам русской науки – С.М. Соловьеву, Н.И. Костомарову, А.Н. Пыпину.

Противоположность взглядов историков, представлявших различные исследовательские школы, по наблюдению автора комментария, выявляется с помощью общеизвестных характеристик поэтической манеры Баяна, неудержимая фантазия которого не знала границ: «Щедрин имеет в виду именно эту противоположность их направлений и взглядов, когда говорит о Костомарове, что он «серым волком рыскал по земле», а о Соловьеве – что он «шизым (то есть сизым) орлом ширял под облаками». Чрезмерная склонность Пыпина искать «западные влияния» (в том числе масонских идей) на русскую культуру», его увлечение «широкими историко-культурными темами» также предстает в пародийном свете: «Щедрин применяет к нему» характеристику, перенятую из «Слова о полку Игореве»: «растекается мыслью по древу» [7, с. 466].

Приводя примеры из писем Салтыкова-Щедрина и текста журнальной публикации его повести, автор комментария выясняет, что непримиримое отношение сатирика к «развязности в обращении с историческими фактами» вызывает к жизни пародию на «исторические рассказы, очерки и анекдоты, в большом количестве издававшиеся в 60-х годах» [7, с. 480].

К источникам пародийного переосмысления в «Истории одного города» ученый относит и знаменитую летописную легенду о призвании на Русь варягов (так называемая «норманнская теория» широко использовалась в казенной историографии).

Изучая специфику пародийного разуподобления этого источника, Эйхенбаум вспоминает идеи, выдвигавшиеся разными направлениями русской исторической мысли, и отмечает, что «на фоне полемики», развернутой в российском обществе, «глава "О корени происхождения глуповцев"» выглядела не только как пародия на историческую легенду, но и как сатира, направленная по адресу обеих исторических школ: и «великодержавной», и народнической. Вера в стихийную, неорганизованную народную массу противоречила взглядам Щедрина не менее, чем теория, по которой русская государственность выросла и окрепла заботами самодержавной власти» [7, с. 467].

В связи с анализом социально-иносказательной направленности пародийных приемов особое место уделяется проблеме взаимоотношений власти и «народа» (людей простого звания): автор комментария считает, что градоначальники, желающие перестроить мир по своему образу и подобию, и сами глуповцы, жаждущие найти правителя в соответствии с укорененными в их сознании примитивными «чаяниями» и раболепно принимающие «капризы истории» (любые нововведения самодержавной власти), являются объектом неумолимой сатиры.

Эту мысль подтверждают замечания ученого о пародировании Щедрина «стиля царских уставов, проектов, законов и распоряжений» [7, с. 502], в том числе «законов, которые сочинял Сперанский», перелицованных в приложении к повести под на-

званием «Оправдательные документы». Эйхенбаум доказывает, что, соединяя в «Описи градоначальникам» события, документы и факты, относящиеся ко временам Сперанского, а также либералов 1860-х годов, Салтыков-Щедрин «намекает на то, что очередные нововведения не представляют собой ничего особенно нового по сравнению с законами, придуманными для Александра I» [7, с. 492–493].

И в данном случае ученым подчеркивается иносказательная природа пародийности, реализованной в «Истории одного города».

Комментарий, опубликованный в книге для юношества и, казалось бы, отвечавший сугубо издательским задачам, вызывал опасные параллели и аллюзии. Неконтролируемый цензурой подтекст, возникший при этом, распространялся на реалии XX века.

О текущем литературном процессе Эйхенбаум писал значительно реже, чем о произведениях Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, понуждаемый на протяжении многих лет работать лишь в качестве «текстового сверщика», но высказанные им суждения и предположения помогали читателям в «глухие годы» тоталитаризма понять причины обращения современных писателей к иносказательным и сатирическим традициям русской классической литературы.

Показательно творчество А. Платонова. На интерес писателя к наследию Салтыкова-Щедрина, проявившийся в художественной практике (повесть «Город Градов») и в «Размышлениях читателя» (название не изданной при жизни Платонова книги его литературно-критических статей), не раз указывали исследователи. Нас же интересует особенности восприятия Платоновым опыта Щедрина-пародиста.

Следует прежде всего отметить, что предметом «перелицовки» в повести «Город Градов» являются материалы газетных публикаций, вызвавшие казуистические решения (резолуции) градовской бюрократии.

Так, в земельном управлении, именуемом по старинке «присутственным местом», прибывшему из Москвы тов. Шмакову приходится разбирать просьбу «жителей хутора Девки Дубравы» о выделении им аэроплана «для подгонки туч в сухое летнее время». Поводом для обращения послужила подшитая в дело заметка из газеты «Градовские известия», сообщавшая о «пролетарском Илье Пророке», изобретателе аэропланов, «самопроизвольно льющих дождь на землю» и работающих «посредством наэлектризованного песка» [4, с. 140].

В резолюции, «наложенной» на заявление, пародируется стиль осторожно-демагогических косноязычных «заклучений» чиновника, коротающего дни «в установленном порядке», но способного с обывательской всеядностью поверить в самые невероятные «сведения», если те «удостоверены» печатным словом: «В виду сыпящегося из аэроплана песка, чем уменьшается добротность природных почв, признать отпуск аэроплана хутору Девки Дубравы пока преждевременным, о чем и уведомить просителей» [4, с. 141].

Развивая традиции Салтыкова, Платонов делает предметом пародийного осмеяния не только бюрократический дискурс, но и «почти подлинные документы», вольную интерпретацию истории, нелепые толкования событий и фактов (примеры тому – версия о Днепрогэсе, построенном, чтобы «затопить

Польшу», осовремененный экскурс в прошлое «древлевоетчинной» губернии и т.п.).

Описание, открывающее платоновский «Город Градов», соотносится с главой «Обращение к читателю» из повести Салтыкова-Щедрина. По наблюдениям Эйхенбаума, эта пародийная глава в «Истории одного города» стилизована писателем с индизонсказательным заданием «под старинный слог» полуграмотного архивариуса, думающего невпопад и считающего возможным и необходимым «обрести» не только во «всякой стране», но и в собственном Отечестве «Неронов преславных» и «Калигул, доблестью сияющих» [6, с. 267].

Глубоко содержательна историческая «путаница» и в повести Платонова: «...в редких пунктах Российской империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мощей Градов имел трое: Евфимий – ветхопещерник, Петр – женоненавистник и Прохор – византиец; кроме того, здесь находились четыре целебных колодца с соленой водой и две лежащих старушки-прорицательницы, живьем легшие в удобные гробы и кормившиеся там одной сметаной. В голодные годы эти старушки вылезли из гробов и стали мешочниками, а что они святые – все позабыли, до того суетливо жилось тогда <...>

Город орошала речка Жмаевка – так учили детей в школе I ступени. Но летом на улицах было сухо, и дети не видели, что Жмаевка орошает Градов, и не понимали урока» [4, с. 128].

Путанные сведения, приведенные в данном описании, напоминают о трудах салтыковского архивариуса: платоновский рассказчик, выступая в роли доморощенного «летописца», ссылается на разные, в том числе весьма умозрительные, источники сообщаемой им информации.

Пародийный эффект создается в результате соединения языка «разоблачительных» антицерковных брошюр с выражениями, принятыми в дореволюционных историко-географических описаниях.

В повести Платонова очевидны индизонсказательные «сверхзадачи», которые устанавливал Эйхенбаум, говоря о пародийности «Истории одного города».

«В описании святых перепутано все, – пишет Н.В. Корниенко, – однако в очень строгой логике московского журнала "Безбожник", авторы которого не утруждали себя тонкостями в житиях великих подвижников веры и благочестия <...> Однако московская путаница <...> просветит за вымышленным Градовым его реальный прообраз – Тамбов, который в 1920–1921 годах ответит на продразверстку и осквернение мощей святых <...> широким крестьянским восстанием...» [3, с. 105].

Эйхенбаум считалодно слово «аманат», использованное Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города», красноречивым сигналом для различения истинного смысла «прикровенного описания истории» усмирения непокорных народов (недаром писатель иронично называл себя «Эзопом, (воспитанником цензурного ведомства»).

В «Городе Градове» о недавнем прошлом лежащей от Москвы в «пятистах верстах» губернии, ставшей ареной отчаянных сражений местных жителей с карателями уже после официального окончания Гражданской войны, намекает предположение рассказчика, на первый взгляд направленное лишь против бюрократических порядков: «Героев город не имел, безропотно и единогласно принимая резолюции по мировым вопросам. А может, и были в Градове герои, только их перевела точная законность и надлежащие мероприятия» [4, с. 130].

Художественная практика Платонова подтверждает мысль Эйхенбаума о том, что текст «Истории одного города» «содержит множество намеков на действительные факты и лица» [7, с. 460].

При этом важно подчеркнуть: упоминание имен святых в повести было обусловлено отнюдь не стремлением писателя включиться в антирелигиозную пропагандистскую кампанию, развернутую во второй половине 1920-х годов. Напротив, решая творческие задачи, А. Платонов использовал для осмеяния социально опасных явлений, порожденных новой советской реальностью, общеизвестные имена, тексты, в том числе тексты церковные.

Так, знакомый Платонову с детства «Канон Андрея Критского» [1] и элементы сопровождающей его православной службы травестированы в «Городе Градове» в эпизоде пирушки, устроенной в честь 25-летия «службы в госорганах» Бормотова (описание этого застолья в разных редакциях произведения не совпадают).

Как известно, в «Каноне Андрея Критского» воздается слава мученику, добродетельная жизнь которого достойна подражания. И «герой» градовского вечера претендует на роль страдальца и мученика – только на стезе государственной службы: «Я страдалец, друзья, душа моя горька и ничто ее не растрогает... Всю жизнь я спасал Градовскую губернию» [4, с. 148].

Пародийные характеристики «мученика» и далее сопровождают поступки этого персонажа: «Бормотов прикинулся благодушным человеком, сощурил противоречивые утомленные глаза и, истощенный повседневной дипломатической работой, вдавился бессмысленно плясать, насилуя свои мученические ноги и веселя равнодушное сердце» [4, с. 152].

Церковный «Канон Андрея Критского» называют «покаянным» или «умилительным»: в ходе чтения слушателям открываются деяния, события ветхозаветной и новозаветной историй, побуждающие покаяться.

В первой редакции «Города Градова» на скрытом от чужих глаз вечере попытался проникновенно читать свои «Записки государственного человека» Иван Федотыч Шмаков. Благодаря ему и Бормотову, «плачущему и ликующему», в эпизоде вечеринки есть место окарикатуренному «умилению», отсылающему читателя к травестированному обряду церковной службы, – но никак не покаянию. Ср.: «Шмакову стало жаль его, жаль тружеников на ниве всемирной государственности, и он заплакал навзрыд, уткнувшись во что-то соленое» [4, с. 152].

На наш взгляд, Бормотов и Шмаков «выступают вместе, поддерживая и дополняя друг друга», не только потому, что «они стоят на ступеньку выше <...> по служебной лестнице» [2, с. 14]: в сюжете повести у этих героев разные «амплуа». Роль «умиленного чтеца» в эпизоде юбилейного вечера отведена Ивану Федотычу Шмакову. Характеристики этого чиновника соотносятся с элементами житийного «трафарета», пародийно переосмысленного, но неизменно напоминающего о перелицованном образце. Подчас, правда, его рвение принимает комические формы, но и в них сохраняются стилистические и смысловые намеки на житийный жанр, послуживший источником переосмысления: «...он любил служебное дело настолько, что дорожил даже крошками неизвестного происхождения, затерянные

ными в ящиках его письменного стола, как неким царством покорности и тщетности» [4, с. 145].

По законам агиографии, герой исполняет на земле свое небесное предназначение, борясь с искушениями. Эта модель поведения также в виду Шмаковым. Словно оглядываясь на агиографический «трафарет», чиновник думает, «не пора ли ему отправиться в глухой скит, чтобы дальше не скорбеть над болящим миром» [4, с. 155]. Но обосновывает эту перспективу прибывший из Москвы «человек системы» странной «гrehовностью» окружающего мира – тот никем «не удостоверяется» как объект канцелярского делопроизводства, следовательно, живет «не по уставу»: «мир официально никем не учрежден и, стало быть, юридически не существует» [4, с. 155].

И здесь элементы агиографического жанра травестируются языком делопроизводства. Безвременная смерть Шмакова продолжает ту же тенденцию. Чиновник «умер от истощения на большом социально-философском труде "Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно регламентированными поступками на каждый миг бытия"» [4, с. 160]. Но вместо посмертных чудес, обязательных для жития, в повести графически выделен заменяющий их фрагмент текста – на доме, где прежде находился уездный исполнительный комитет, «висит вывеска "Градовский сельсовет"». Перед этим строением «нарочно гуляет» Бормотов, чтобы в очередной раз не поверить «глазам своим – тем самым глазам, которые некогда были носителями неуклонного государственного взора» [4, с. 160].

Здесь с помощью устойчивых штампов «канцелярского» языка спародирован мотив «агиографического изумления» от неисповедимо как явленного «чуда».

Использование элементов агиографии и «Канона Андрея Критского» в «Городе Градове» – по зако-

нам травести – является одним из способов развенчания бюрократии, в очередной раз занявшей чужое место в истории, приписавший себе прославленные атрибуты жизни, «достойной подражания».

Важным моментом в «Истории одного города» Б.М. Эйхенбаум также отмечает, но, обращаясь к тексту повести в 1930-е годы, Эйхенбаум не комментировал аллюзии, возникающие в связи с обсуждением в повести Салтыкова-Щедрина «поклонения мамоне и покаяния» в одноименной главе, «подводящей некоторые итоги» повествования [7, с. 494].

Точнее, был вынужден в данном случае ограничиться «фигурой умолчания». Рассматривая пародийность как форму сатирического разуподобления, направленную против исторических лиц и социальных порядков, игравших пагубную роль в судьбе человека, общества, государства, Эйхенбаум уточнял, что в своем комментарии решал задачу «не столько разъяснять все намеки Щедрина, сколько показать его метод и побудить к внимательному чтению этой гениальной сатиры» [7, с. 502].

В те же 1930-е годы, говоря о слишком строгом изображении сатириками прошлого века «убитого горем» русского народа, Платонов полемизирует и с Салтыковым-Щедриным в статье «Пушкин – наш товарищ». Но, выступая под псевдонимом, в некрологе, посвященном А. Архангельскому, он отмечал, что пародийные стратегии, как правило, избираются тем писателем, кто «за условностью искусства» различает «условность, то есть ложные формы, самой действительности...» [5, с. 298].

Все сказанное позволяет увидеть и сходства, и различия в восприятии пародийности, реализованной в «Истории одного города», двумя выдающимися современниками – писателем и ученым.

Очевидно, что совпадений было значительно больше, чем различий, из-за сходства их взглядов на социально-иносказательные возможности и оценочную природу пародийного слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алейников О.Ю. Специфика травестирования церковного канона и агиографического «трафарета» в повести А. Платонова «Город Градов» / О.Ю. Алейников // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 4.
2. Верин В.А. Сатирический дебют Андрея Платонова (О повести «Город Градов») / В.А. Верин // Филологические науки. – 1979. – № 4.
3. Корниенко Н.В. «Меня убьет только прямое попадание по башке». Материалы к творческой биографии Андрея Платонова. 1927–1932 годы / Н.В. Корниенко // Новый мир. – 1993. – № 4.
4. Платонов А.П. Город Градов // Платонов А.П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / А.П. Платонов. – М.: Время, 2009.
5. Платонов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / А.П. Платонов. – М.: Время, 2011.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 8. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Художественная литература, 1969.
7. Эйхенбаум Б. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (Комментарий) // Б. Эйхенбаум. О прозе. – Л.: Художественная литература, 1969.